

**РОССИЙСКИЙ РАБОТНИК:
ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОФЕССИЯ, КВАЛИФИКАЦИЯ**

Синявская О.В., к.э.н., заместитель директора НИСП

Есть авторы и авторские коллективы, чьи фамилии служат гарантией того, что выходящие у них публикации не могут быть некачественными, неинтересными и неактуальными. Они могут быть провокационными, будящими мысль, вызывающими споры, но никак не проходными. К таким авторам, безусловно, относится группа исследователей под руководством В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшникова, несколько лет назад начавшая радовать читателей серией монографий по различным аспектам российского рынка труда.

Третья в этой серии монография «Российский работник: образование, профессия, публикация», выпущенная Издательским домом ВШЭ в 2011 г., как отмечают сами авторы, посвящена обсуждению проблемы накопления и использования человеческого капитала. В ней впервые на высоком научном уровне анализируются вопросы адекватности полученного образования профессиональной структуре, соответствия специальности по диплому и сферы занятости, исследуется ситуация с подготовкой на производстве. В отдельных главах новой книги авторы развивают тему дифференциации заработной платы, поднятую в рамках предыдущей монографии («Заработная плата в России», ИД ГУ ВШЭ, 2007), обсуждая вопросы отдачи от образования, в том числе высшего, в том числе в региональном разрезе, и анализируя роль профессий в формировании неравенства в заработках. Несмотря на то что, как подчеркивают редакторы данной книги, в ней собраны статьи, написанные в рамках различных проектов, не объединенных общей программой исследования, она представляет собой целостный научный труд, в котором каждая глава раскрывает какую-то новую грань изучаемой проблемы.

Читать данную монографию очень увлекательно. Она убедительно опровергает множество мифов, которые существуют вокруг образования и занятости в России. В частности, мифа о высоком качестве российского образования, о дефиците квалифицированных работников, о перепроизводстве экономистов, юристов и ряда других. Авторы показывают, почему рост численности работников с третичным образованием не приводил до сих пор к снижению отдачи от него и каким образом недостаток квалифицированных рабочих, о котором так часто говорят работодатели, может сосуществовать с сокращающимся спросом на эту категорию занятых.

Книга представляет собой *эмпирическую работу* по использованию человеческого капитала. Однако ее ценность выходит за рамки научно обоснованных и зачастую впервые для России полученных оценок того или иного аспекта человеческого капитала. И для студентов, и для опытных исследователей эта публикация может быть полезна и интересна, во-первых, с точки зрения грамотного соединения эмпирического анализа с существующим теоретическим аппаратом: то есть того, как авторы формулируют гипотезы исследования и интерпретируют полученные результаты. Кроме того, несомненный интерес представляют разнообразные методы статистического и эконометрического анализа, использованные в монографии. Наконец, читатель, не очень хорошо знакомый с западными работами в данной области, может получить представление о том, насколько уникальна российская ситуация и как полученные авторами данной книги результаты соотносятся с аналогичными результатами по другим странам.

В *первой главе* рассматриваются основные тенденции эволюции человеческого капитала за прошедшие два десятилетия новейшей истории России. Анализируя российскую ситуацию на основе статистических публикаций Росстата, микроданных Обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ), Обследований заработной платы по профессиям (ОЗПП), Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) и Национального обследования благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах (НОБУС), авторы приходят к парадоксальному, на первый взгляд, выводу о том, что рост и сохранение на достаточно высоком уровне норм отдачи от образования связаны с тем, что в 2000-е гг. спрос на высококвалифицированную рабочую силу опережал ее растущее предложение (С. 111). Из сравнения количественных и качественных параметров образования в России с другими странами следует, что, несмотря на мировое лидерство по доле лиц с третичным образованием, качество российского образования остается низким (и снижается). Кроме того, по величине расходов на образование Россия уступает даже государствам с сопоставимым уровнем дохода, не говоря уже о странах с сопоставимым уровнем охвата населения образованием. При этом в нынешних институциональных рамках — легкости поступления в вуз (если речь не идет о вузах-лидерах), низкой стоимости обучения, возможности совмещать учебу с работой и т. п. — авторы не видят причин и возможностей для снижения спроса на высшее образование, превратившееся уже в социальную норму, даже если нормы отдачи от высшего образования сократятся.

Более того, развивая аргументы авторов этой книги о причинах массового спроса на высшее образование, следует отметить, что повышенный спрос на высшее образование может быть следствием провалов в социальной политике. Так, например, известно, что в англосаксонских странах, где социальная политика традиционно играет роль «последнего прибежища», именно образование позволяет достичь более высокого уровня благосостояния и защитить от рисков на рынке труда.

Вторая и третья главы посвящены вопросам отдачи от образования на уровне России в целом и ее отдельных регионов. Здесь следует отметить набирающий популярность на Западе, но новаторский для отечественной аудитории метод мета-регрессионного анализа, примененный во второй главе для того, чтобы обобщить различные (порядка 200!) оценки величины и динамики отдачи от образования в современной России, полученные разными исследователями в разное время на основе различных данных и методических подходов. Применение мета-анализа позволило оценить вклад, который вносят в разброс эмпирических оценок методы оценивания, способы конструирования переменных заработной платы и образования, состав переменных, включаемых в регрессионные уравнения (прежде всего территориальных и характеризующих форму собственности предприятия). Результаты мета-анализа зафиксировали начавшуюся с середины 2000-х гг. тенденцию сокращения отдачи от образования, что, однако, по мнению авторов, вряд ли приведет к падению спроса на высшее образование. В третьей главе, развивая тему отдачи от высшего образования на уровне регионов, авторы приходят к важному выводу о том, что вопреки традиционным рекомендациям развивающимся странам с высокой отдачей от образования увеличивать инвестиции в образование, не следует применять эту стратегию в российских регионах, где отдача от высшего образования наиболее высока, поскольку более высокая отдача наблюдается в менее благополучных регионах: менее привлекательных для проживания, с более высокой безработицей и более высокой занятостью в бюджетном секторе.

Обсуждение вопросов дифференциации заработков продолжается в *шестой главе*, где оценивается роль, которую играют в формировании этого неравенства профессии. Один из важных результатов состоит в том, что величина отдачи от образования варьирует по профессиям.

Предметом анализа в *четвертой и пятой главах* выступает соответствие полученного образования и фактического занятия. В четвертой главе акцент делается на соответствие уровня полученного образования тому, что требуется для выполнения работы, тогда как в пятой главе впервые обсуждаются вопросы занятости лиц с третичным образованием не по специальностям.

Проблема избыточной или недостаточной образованности исследуется с помощью метода субъективной оценки на основе ответов респондентов РМЭЗ на вопросы о том, профессиональное образование какого уровня необходимо для выполнения их нынешней работы, а также того, в какой степени нынешняя работа респондента требует полученного им уровня образования. Указанные данные и методология позволяют авторам выйти на следующие оценки: избыточный уровень образования наблюдается примерно у каждого четвертого работника (22 и 29% в зависимости от метода оценки), а недостаточный – почти у каждого десятого (6 и 14% соответственно). Несмотря на то что методы субъективной оценки активно используются для исследования данного вопроса и в зарубежных исследованиях, это может приводить к завышению оценок расхождения уровня образования и квалификационных требований работы [Groot & Maassen van den Brink, 2000]. Кроме того, следует

учитывать, что субъективные оценки адекватности уровня образования зависят в большей степени от того, в какой мере человеку удалось реализовать свои ожидания относительно дохода и социального статуса, нежели от формального соответствия полученных им навыков и знаний технологическим требованиям занимаемого им рабочего места [Burtis, 1983]. Возможно, именно по этой причине (недостаточная реализованность ожиданий) уровень избыточной образованности, зафиксированный в России, немного выше, чем аналогичные оценки для западных стран, а уровень недостаточной образованности, напротив, ниже. При этом, по оценкам авторов, «штраф» за избыточное образование в России выше, чем в западных странах. Рассматривая три возможных объяснения причин избыточной «сверхобразованности» на российском рынке труда — (а) ненаблюдаемые различия в качестве человеческого капитала, (б) неэффективность механизмов соединения работников и рабочих мест («матчинга») и (в) нестыковку структуры предложения рабочей силы со структурой спроса на труд (дефицит рабочих мест, требующих наличия третичного образования), сами авторы считают наиболее весомым третье объяснение.

Масштабы работы не по специальности, полученные на основе микроданных ОНПЗ и представленные в пятой главе, выше, чем масштабы «сверхобразованности». По оценкам авторов, среди лиц с высшим образованием по специальности работает от трети до половины (в зависимости от используемого определения), а среди лиц со средним профессиональным образованием — еще меньше. При этом авторы опровергают распространенное представление о перепроизводстве экономистов и юристов: результаты анализа свидетельствуют о том, что не по специальности (в том числе со снижением статуса) чаще работают обладатели технических специальностей.

Еще один миф — о дефиците квалифицированных работников — разоблачается в *седьмой главе* монографии. Анализируя микроданные опросов работодателей, авторы приходят к выводу о том, что жалобы на дефицит квалифицированных кадров чаще всего исходят от неэффективных предприятий, которые не могут ни привлечь, ни удержать имеющуюся на рынке квалифицированную рабочую силу. Сопоставляя результаты анализа данной проблемы со стороны спроса на труд с анализом со стороны предложения труда, авторы заключают, что *«в заданных сегодня институциональных условиях нашей промышленности в целом не очень-то и нужны квалифицированные работники. И те, что есть, ей зачастую в тягость»* (С. 459).

Наконец, проблема обучения на рабочем месте, лишь бегло рассмотренная в *седьмой главе*, становится предметом подробного изучения в *восьмой главе*. Большим достоинством приведенного здесь анализа данной проблемы является то, что он выполнен как со стороны предприятий, то есть тех, кто обучает (данные опроса руководителей предприятий ИЭПП), так и со стороны населения — тех, кто обучается (данные РМЭЗ). Результаты анализа позволяют авторам объяснить недостаток обучения на рабочем месте, наблюдаемый в России, тем, что здесь основным каналом повышения производительности труда и заработков выступает не обучение, а «матчинг» (С. 509).

Завершает монографию *девятая глава*, где анализируется опыт других стран в создании национальных моделей первичной профессиональной подготовки. Авторы приходят к выводу о том, что модели первичной профессиональной подготовки оказываются результатом длительной эволюции в рамках определенных моделей экономики (в рамках главы сопоставляется опыт Германии как страны с координируемой экономикой и Великобритании как страны с либеральной экономической моделью). Это означает, что невозможно искусственно насадить «желаемую» модель профессиональной подготовки, если она не будет вписана в сложившуюся институциональную среду. С другой стороны, крах советской системы профессиональной подготовки также вызван значительной институциональной трансформацией, которую пережила Россия, и, в частности, изменением роли предприятий в данном вопросе. Вместе с тем авторы полагают, что систему начальной профессиональной подготовки, несмотря на ее неэффективность, не следует ликвидировать, оставив за ней социальные функции.

В *заключении* монографии не просто подводятся основные итоги исследований, представленных в предыдущих главах, но и раскрываются взгляды авторов на возможные сценарии развития российского человеческого капитала. Наиболее вероятным, по мнению авторов, является вариант становления жестко сегментированного рынка труда с ограниченным набором высококвалифицированных «хороших» рабочих мест.

Книга представляет собой прежде всего экономический взгляд на проблему использования человеческого капитала. Вопросы, которые волнуют ее авторов («*адекватен ли человеческий капитал, которым располагает российская экономика на старте второго десятилетия XXI в., задачам ее переориентации на инновационный путь развития? Соответствуют ли его количественные и качественные характеристики модели современной экономики, основанной на знаниях?..*» — с. 12), связаны, по сути, с тем, как выявленное ими несоответствие между образованием и рынком труда сказывается на экономической эффективности. Тем больше, на наш взгляд, могут почерпнуть от ее прочтения не экономисты: социологи, демографы, специалисты в области социальной политики.

И тем большим вызовом является публикация данной монографии для представителей других наук. Вызов — потому, что проблематика связи *образование — занятость — доходы — социальная политика* остается, несмотря на множество исследований частных вопросов, малоизученной. Например, какова связь между обнаруженными процессами накопления и использования человеческого капитала и неравенством доходов? Связаны ли риски получения избыточного образования с социальным статусом человека; в частности, не происходит ли накопление «сверхобразованности» в низших стратах? Какова удовлетворенность трудом и жизнью в целом у лиц с разным уровнем соответствия образования и профессии?

«Дипломомания» и жесткая сегментация рынка труда, которые рассматриваются авторами данной монографии как вполне возможные сценарии развития нынешней ситуации — если не будет повышена стоимость

получения образования и не будут созданы условия для заметного усиления спроса на высококвалифицированную рабочую силу — чреваты негативными последствиями для социальной политики, которые также еще предстоит осмыслить. В частности, неослабевающий спрос на высшее образование уже представляет собой вызов системам социального страхования и прежде всего пенсионного обеспечения, поскольку означает откладывание полноценного входа на формальный рынок труда. Попадание в ловушку «плохой» занятости означает усиление рисков бедности — причем как в трудоспособном, так и в пенсионном возрасте.

Увеличение масштабов избыточного образования на рынке труда теоретически может спровоцировать рост политического недовольства со стороны той части рабочей силы, которой придется довольствоваться худшими рабочими местами. В то же время в отсутствие политической силы, которая способна выразить эти протестные настроения, нарастание избыточного образования может вылиться в усиление психологических проблем, происходящих из неудовлетворенности работой и шире — жизнью; или же произойдет снижение ценности работы и ее места в жизни человека, вытесняемое более высокими ценностями отдыха, дружбы, семьи. Эти вопросы — предмет социологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Burris V. (1983), The Social and Political Consequences of Overeducation. *American Sociological Review*, Vol. 48, No. 4: 454-467.

Groot W., Maassen van den Brink H. (2000), Overeducation in the labor market: a meta-analysis. *Economics of Education Review*, 19: 149-158.